

Николай Козлов

Наброски

18+

Николай Козлов

Наброски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66555642

SelfPub; 2021

Аннотация

Рассказы из жизни советских и после советских времен.
Короткие и по мере возможности правдивые

Николай Козлов

Наброски

Автомобильные доставалки

В СССР картошку сажало почти всё население страны, сажало, обрабатывало и убирало урожай. Когда это было заведено, не знаю, как только я подросток до десяти лет, меня, как и моих братьев водили на картошку. Загородные поля раздавались по предприятиям, перепахивались, разбивались на участки и затем обмерялись каждому работающему на этом предприятии. В землю вставлялись колышки с фамилией. Люди бурно обсуждали какая кому досталась земля и всё это происходило из года в год. Стоимость сотки была около тридцати копеек, символическая плата за вспашку и борошение. После массовый заезд на посадку картофеля, конечно, в выходные дни, с объявлением, сбором, толкотнёй и спорами, всё по-советски, по-коммунистически. Затем через какое-то время прополка. Поля выделялись не близко, в десяти-пяти километрах от города, в местах куда автобусы не ходили. Автолюбители ехали на своих машинах, а простым смертным выделяли заказные автобусы или бортовые машины с сидушками. После прополки окучивание и ближе к осени сбор урожая. Вот тогда был настоящий праздник. Довозить всех довозили, но вывоз картофеля, чаще всего, нужно было организовывать самому. Грузовые машины, как част-

ники, грузились картофелем и развозили по домам. В эти жаркие денёчки, шофера отхватывали не мало денег.

Мы в тот год садили тремя семьями. Бабушка с дедом и трое их подопечных внука, тетя Лида с сыном Костей, и наша семья – родители и нас четверо сыновей. У всех наших трёх семей были свои наделы, свои урожаи, рядом, вместе, но свои. Выкапывали вначале дедушке с бабушкой, затем тетке, а в последнюю очередь нам. На поле мы прибыли около восьми утра, а после полудня уже заканчивали собирать урожай. Все советские люди так жили. Так садили и собирали. У нас самые крепкие копали, остальные собирали в ведра и стаскивали в мешки, которые радостно появлялись на поле. Люди подходили смотрели друг у друга картофель.

– Не мы такую мелкую не берём даже.

Или:

– Ого, какие поросята уродились.

– Иди, соль тебе на глаз и.., что-то там на нос.

– Сашка-то, не полол не окучивал и пришел собирать, а она как горох, ха-ха. В зарослях ищет теперь.

Или:

– Вот колдуны! У них каждый год картошка одна к одной, да и в лунке полведра!

– Так и ты сади, лучшую на семена отбирай, а не на еду. И будет тебе урожай.

Оставалось четверть нашего поля. Солнце не по осеннему пекло. Нам, мальчишкам и двум нашим двоюродным сёст-

рам, всё меньше и меньше хотелось работать. Мы начинали чаще ходить в кусты по нужде, затем попить, затем посидеть.

– Всё! – объявила бабушка, – садимся чаёвничать перед решающим прорывом.

Все сели, кругом, женщины расстелили покрывало, накрыли стол: огурцы, помидоры, яйца, лук зелёный, хлеб, молоко, домашние пирожки и булочки оставшиеся после обеда.

– Иван, – сказала мама, иди с папкой ловить машину. Вначале зайди в контору получи аванс. Быстро перекусывайте и дуйте. Закончим без вас, а вы чтобы с машиной приехали.

– Папка, проследи за Иваном, чтобы не пил. А то как сорвётся, не остановишь.

Всё так и порешили. Дед с отцом ушли за машиной, а мы часа через два докопали картофель. Люди рядом с нами исчезали со своим урожаем. Два раза к нам подходили шофера и предлагали свои закрома. Но мы ждали своих гонцов. К шести вечера солнце светило ещё, но уже не так грело. По-веял прохладный ветер. На полях оставались единицы людей и небольшие кучки мешков. Мы теряли надежду.

К семи часам все надежды были потеряны. Где-то нашлась машина, туда были загружены наши мешки, два самых старших брата пошли быстро и налегке, чтобы встретить картофель дома. А мы поплелись с лопатами, с оставшимися порожними мешками и вёдрами.

Поздно вечером картофель был доставлен, разгружен в погреб. Мама пошла к бабушке, меня взяла с собой. У ба-

бушки и тётки тоже всё было разгружено и убрано.

Тётка, бабушка, мама и зачем-то я, пошли искать наших автомобильных гонцов. Мама моя была маленького роста, с большой грудью. Впечатления силачки она не производила, но всё же была очень боевая. И нюх, или интуиция, или какие-то другие качества, очень скоро помогли ей найти наших потеряшек. Мне до настоящего времени не понять, как можно найти среди восьмидесяти тысяч населения, среди незнакомых домов, именно тех двух людей, и именно в том доме. Но вот мама нашла.

– Козлов и Крапивин у вас?! – крикнула мама, постучав в ворота дома, откуда слышалась музыка и громкие разговоры.

– Иди тётка своей дорогой! Нет здесь никого!

Но мама не пошла. Она открыла как-то калитку, и три женщины исчезли в темноте. Мне сделалось немного страшно. Вскоре перед домом загорелся свет. В доме наступила тишина, и вдруг начался гвалт. Несколько голосов, в основном женских, визгливых задавали тон. Продолжалось это не долго. Опять наступило затишье. Минут через пять в свете появились три наши женщины. Мама в руках держала деньги. И шла с видом победителя. Бабушка и тётка, тетка была ещё ниже мамы и худее, шли за мамой. Всё, идём домой.

– Коньяк они пьют! Колбасой закусывают! И папка-то! Седой лысый чёрт к молодой липнет! Вот без денег, поглядим сильно они им нужны!

Не успели женщины дойти до калитки, как следом впри-

прыжку появился дед. Растрёпанный, над плечиной вертикально раскачивался, словно антенна, клок седых волос.

– Катенька, ты не правильно всё поняла! Катенька, мне кроме тебя никто не нужен. Я просто за Иваном следил.

– Яков! Уйди с моих глаз! Тоже лезет к молодухе! Старый пень! Понюхать только и может, а всё равно лезет!

– Я им сказала, что сейчас участковый подойдёт и мы с ними разберёмся! – сказала мама, – от семидесяти рублей аванса, осталось только сорок три! Полмесяца жить на них!

Папа явился домой через полчаса. Слегка пьяный, виновато улыбался и просил у мамы на бутылку с аванса.

– Не подходи ни ко мне, ни к детям. Ещё заразишь нас чем-нибудь! Не знаю, что тебе на заезд собирать, все деньги пропил. Да ладно бы пропил, потаскушки вытащили!

– Тома! Я тебя так люблю! Дай на бутылку. А за детей я жизнь отдам, вон какие красавцы у нас!

– На бутылку..., где ты сейчас что купишь. На рубль, сходи к Стюрке, она тебе литр бражки нальёт.

– Тома, какая ты человечная. Как я люблю тебя! Хоть ты как крапива жгучая, но мне кроме тебя никто не нужен. А за детей наших, я жизнь готов отдать.

Я знал уже всё наперёд. Эти разговоры по душам, объяснения в любви и жертвование жизни будут как минимум сутки, но могут продлиться и дольше. Затем последует выход из запоя, скандал, ссоры, мелкие перебранки. А слова, которые повторял папа чаще всего в это время, составляли в среднем

три фразы:

– Я жизнь за вас готов отдать! Тома, я жить без тебя не могу, я люблю тебя! Я бурильщик шестого разряда! – при последней фразе отец почти всегда стучал себя в грудь кулаком.

Конечно же, произносились и какие-то другие. Речь немного разнообразилась. Но эти три были ключевыми. А в следующей стадии опьянения звучал куплет, причём составленный из разных произведений. Но у отца он звучал как одна песня:

Подруга дней моих суровых

Голубка ясная моя!

Сердце, тебе не хочется покоя,

Спасибо сердце, что ты умеешь так любить!

Мы слушали эти фразы и этот куплет два раза в месяц: после аванса и после полочки. Слушали до тех пор, пока мама не разошлась с отцом. А разошлись они через несколько лет после этого события.

Одноклассников не убивайте

Мне часто снится этот сон. Идёт бой. В здании напротив задержалась группа силовиков с иностранными наёмниками. А наши, ополченцы и добровольцы, снаружи. Силовики обстреливают большую часть территории уже несколько дней. Наши пытаются их или выбить, или уничтожить. Я в небольшом разведотряде. Район изрядно разрушен и те-

перь, глядя в бинокль на остатки зданий, невозможно представить, что здесь жили и работали люди, здания наполнялись ими и жизнь, мирная, размеренная жизнь, шла по-другому. Где сейчас засели силовики, было управление и работало когда-то начальство, с восьми утра до пяти вечера. Я здесь был в командировке в те времена и помнил коридоры и офисы. У меня появился план. То сооружение откуда отстреливались враги, от нас имело длинный подземный проход, вроде галереи. Объяснив командиру свой план, малонадёжный, но всё же с крупинкой здравого смысла, я побежал по этому переходу, заходя в тыл врагам.

Бегу лёгкими перебежками, прячась за выступами. Слышу приближающиеся автоматные очереди, в помещениях уже совсем рядом. И проходя из одного помещения в другое, натываюсь на спину солдата.

– Руки, – негромко говорю ему я, – оружие опустил, и тихонечко поворачивайся ко мне.

Воин вздрогнул и выпустил автомат, медленно поворачивается и молит о пощаде.

– Не убивайте.

– Сколько там бойцов? Меньше десяти?

– Коля?! Ты меня не убьёшь?

– Саша?! – я узнаю Сашу Гуменюка, одноклассника, – Так сколько?

– Меньше десяти..., не убьёшь ведь, Коля?

– Нет. Не убью. Сиди тихо. Жди, не шевелясь, – говорю

я, продвигаясь к проёму двери, готовя гранаты но не отпуская пистолет Стечкина, мой любимый и уважаемый. Хотел убить, и убил бы если не узнал своего одноклассника.

– Что ж, пусть Сашка живёт, – думаю я, – надо бы обезоружить и обыскать, но как-то неожиданно всё.

Над дверным проёмом табличка с надписью вход, стекло на красном фоне запылилось, но как в зеркале, вижу то что за моей спиной. Отодвигаюсь в сторону и отчетливо вижу Сашу ещё раз, только он не догадывается, что я вижу его очень хорошо.

– Саша никуда не уходи, сядь и жди, – говорю ему, а сам наблюдаю как он делает что-то подозрительное. Ну точно поднимает свой автомат.

–Сашка, Сашка, – мелькает в голове, и не оборачиваясь, даю короткую очередь из пистолета, на опережение. Так мы несколько дней назад отстреливались в разведроту по мишеням, стоя к ним спиной, пригодилось. Одна из пуль проткнула его грудь, почти посередине.

Я поворачиваюсь к Сашке и вижу удивлённые серые глаза, вижу руку, перебирающую ещё что-то на автомате, вижу как ослабленно валится, обессиленный, но ещё в сознании.

–Плохо мне, – шепчет он, – скорую помощь бы вызвать, Коля вызови...

Но я уже прохожу в следующее помещение, бросаю гранаты, жду и краем стены пробираюсь ощущая тепло оставшееся от взрывов гранат, в пыли и газу стреляю по тем, кто

ещё может быть опасен.

Подбегают наши. Два силовика спрятались в углу, наклонили головы в пол и подняли руки, сдаваясь на милость победителя.

– Отлично повоевали! – говорит командир, – умно ты их сзади обошёл!

– В командировке здесь был, в другой жизни, расположение помню.

– Зачёт!

Я возвращаюсь обратно к Сашке. Он так и лежит с автоматом и широко открытыми глазами, на которые садится поднятая пыль и мутит их стеклянный, ещё минуту назад, блеск.

– Сашка, Сашка, не любил ты меня, наверное, порой ненавидел и не простил мне невинной глупой шалости.., а может и не в шалости дело, а просто я был тебе неприятен. Но мне не хотелось тебя убивать. Я очень сожалею об этом. Прости одноклассник!

Сашка постарел, пополнел, лицо мужика. Мы с ним учились с пятого по восьмой класс. Я в их сложившийся класс пришёл в одиннадцать лет. И Сашка как-то не влюбил меня, уж не знаю за что? Может я его не заметил, а он был незаметным, может девочка, которая ему нравилась посмотрела на меня. Но не влюбил, а я это заметил только когда он на одной из перемен, из-за какого-то пустяка, словно псих, накинулся на меня с красным лицом, перекошенным от ненависти. Я, от неожиданности и перепуга, поднял его в его же

прыжке на меня, перевернул на бок и отбросил на край первой парты. Сашка ударившись боком о парту, упал на пол, покряхтев встал и псих его улетучился. Но с того случая держался от меня стороной и долго не разговаривал. Так мы и учились параллельно, я троечник, хулиган и забияка, и он хорошист, любимец учителей.

В восьмом классе Саша начал встречаться с нашей пионервожатой Наташей, миниатюрной девушкой, у которой дома была огромная библиотека, занимавшая многие стены в квартире стеллажами от пола до потолка. Эти отношения Сашки и Наташи были очень серьёзны. Многие из нашего класса догадывались о серьёзности их отношений и молча удивлялись, как семнадцатилетняя девушка посмотрела на четырнадцатилетнего мальчика, да так, что у них завязались серьёзные отношения. Я на свою беду, узнал про библиотеку Наташи и, как-то во дворе дома, встретив её спросил об этом. Она ответила, что да, это правда. Я спросил какую-то книгу, объяснив, что читатель я аккуратный и пунктуальный. Наташа провела меня в квартиру, поставила лестницу к одному из стеллажей и вставив на место книги лист бумаги с записью обо мне, сняла мне книгу. Саша, видимо тогда уже решил, что я покушаюсь на его девушку. Но худшее случилось через некоторое время, мы во дворе играли в фанты на желания. И когда попал мой фант, «самовар» выдал – поцеловать Наташу. А я, как всегда, отчаянный и глупый, пошёл исполнять долг. Со мною пошли два свидетеля.

Подойдя к двери, я нажал кнопку звонка, вышла Наташа, изумлённо разглядывая нас.

– Наташ, хочу кое-что шепнуть тебе на ухо, – сказал ей я и наклонившись коснулся губами её щеки, – «самовар» дал мне задание поцеловать тебя.

И тут выскочил из-за дверей Саша! Опять красный, ничего не видевший, озлобленный, хотя Наташа и обхватила его, но, казалось, ещё мгновение и он растерзает меня.

– Саша, извини, я не хотел сделать ничего плохого. Это.., мы просто играем.., в фанты..

– Не хочу больше с тобой разговаривать! Ты мне больше не друг!

Мы пошли вниз по ступенькам, слушая, как Наташа успокаивает этого ревнивца. После восьмого класса он ушёл в техникум.

Мне часто снится этот сон. Просыпаясь, я думаю, где же теперь мой одноклассник, счастливо ли они живут с Наташей, и живут ли, и сколько у них детей. В соцсетях я его не встречал. Да и не очень ему будет, наверное, приятно меня встретить. Хотя я и не понимаю, чем я провинился перед ним.

Зигмунд Фрейд, наверное, объяснил бы мне этот сон.

Город которого нет

Я родился в городе которого нет, и мой сын родился в городе которого нет. И страны, в которой мы родились, также

уже не существует, и даже некоторые страны, что родились от этой страны, успели повоевать между собой. Но вот когда я родился, об этом никто не мог подумать, даже невозможно представить такое. Родился я в городе Лениногорске. Из свинца добытого и выплавленного в этом городе каждая восьмая пуля Великой отечественной войны выпущенная советскими бойцами. Лениногорск стал Лениногорском в первый год войны с Германией. Название Риддер, казалось чем-то немецким, позорящим город. И вот в Лениногорске, много позже отгремевшей войны, я и родился, в семье рабочих. В городе по окраине были расположены деревушки-совхозы. Там, вероятно, жили крестьяне, а все городские были уже рабочим классом. Из этого рабочего класса была интеллигенция, рабочая же, и ещё партийцы и управленцы.

Когда родился я, мой сын, времена в которых нам всё казалось нерушимым и вечным, как солнце, как луна, как горы с заснеженными вершинами окружающие город. Уже тогда зарождалось тревожное предчувствие чего-то. Но никто не верил. И вот умер Брежнев. Как сейчас помню Андропова на похоронах, с широко расставленными ногами, всё говорило в позе – я новый хозяин страны. Затем Черненко, следом Горбачёв. Мы все устали от траурных дней и смены руководителей страны. И Горбачёву, как молодому и обещавшему прожить долго, были рады. Вот при нём и началось видимое движение в хаос и развал.

В Лениногорске, как и во всех советских городах, была

площадь Ленина, с бронзовой скульптурой Ильича, и, естественно, с указующей рукой. Десятки лет она указывала в одном направлении. Но при Горбачёве, местный первый секретарь решил её развернуть. Сзади в конце площади сделали вечный огонь и стеллу, и надписи всех Лениногорцев погибших в той страшной войне. Ильич стоял к вечному огню задом, может это было неприлично? Поставили к зданию горкома КПСС, возможно, вначале задом и указывала рука вождя в сторону вечного огня, мол, всем туда. Перевернули, стал указывать на здание горкома, как бы, всем сюда. Но и здесь Главный большевик простоял недолго, он ведь площади показывал зад. Где ставить трибуну на площади, чтобы праздновать очередную годовщину революции? И Ленина поставили перед дворцом культуры. Поставили гранитный новый пьедестал. Кстати, с этим пьедесталом была целая история. Первую обтесанную и отшлифованную гранитную глыбу, нужно было просверлить сквозное отверстие для анкерного болта. Специалисты просверлили диаметром двадцать миллиметров, а нужно было сорок. Стали расширять, глыба лопнула. Привезли и обработали вторую, а просверлить сквозное отверстие для анкера пригласили из наших ребят, Колю Оркина. Коля пришел, создал вокруг своих приготовлений околонуучную атмосферу, с замерами, с разметкой мелом глыбы вдоль и поперёк. С длительными хождениями вокруг этой глыбы и рассуждениями. На второй день, когда уже возле этой глыбы побывало всё начальство и Коле и по-

мощнику были обещаны по сотне рублей каждому, Коля решил. Подсоединил к компрессору перфоратор, доставленный из шахты и в три минуты пробурил. О благополучной работе было передано по начальству, все приезжали, жали Коле руку, благодарили. Я после спрашивал, а если бы лопнула? На что Коля усмехался. Ему это было безразлично.

Ленина поставили, закрепили, но стоять ему оставалось менее десяти лет. В одно прекрасное утро Владимир Ильич Ульянов (Ленин) исчез, на это место, к тому же пьедесталу двухметровой высоты, на тот же анкер, прикрепили бесформенную глыбу, олицетворяющую Риддера Филиппа, первопроходца и рудоискателя, открывшего месторождение для царской ещё Российской империи. А вскоре и город стал называться Риддер. И площадь, и проспект были переименованы в Независимости. А когда-то, в том районе было кладбище, там лежали мои два прадеда и две прабабушки. Может и ещё какие-то родственники лежали там, но всё было снесено при СССР и поставлены новые дома и проложены улицы отходящие от проспекта Ленина. Хрупок мир, изменчивы порядки.

Пузырь мой друг

Он пришёл в наш третий класс. У него было имя, но оно как-то быстро было забыто. Осталось прозвище – Пузырь. Сначала Пузырь – жира, Пузырь – сала, Пузырь – котлет и ещё какой-то Пузырь. Но осталось Пузырь, оно приклеилось

к нему, вросло намертво. До чего он был отвратительным мальчишкой: обжора, со складками сала вылезавшим во все одежды, жадный до еды и вечно жующий, чаще тайком; трусливый и подлый, боялся уколов, визжал как девчонка, прячась под парту и истеря. Его достоинств, кроме преданного взгляда, я не помню. Да и умом был слабоват, учился с трудом на тройки, а больше любил списать ответ или подглядеть у соседей. Да и внешность была под стать: крысиные бегающие глаза и маленький ротик с наклонёнными внутрь зубами.

Помню, как-то он залез в настенный пожарный ящик, выбросив лопату и багор. Мальчишки прикрыли дверцы с металлической сеткой, и Пузырь там оказался как кролик в клетке. После чего стал визжать и изображать из себя дику обезьяну. Кто-то не выдержал и отломив веточку, ткнул в тело Пузыря сквозь сетку. Он замер – в глазах появился страх. Все одноклассники не терпели Пузыря, избегали общения с ним, оттого что он мог выкинуть такое, что рядом всем было стыдно за это, всем, но не ему. И тут многие стали отламывать веточки и тыкать в Пузыря, а он скалиться и визжать.

Я подружился с ним в четвёртом классе. Случилось это так. Пузырь сделал мне какую-то подлость, я решил проучить его. Прижал возле школы к забору. Спросил зачем, и, одной рукой придерживая за горло отвесил оплеуху, как девчонке, ладонью. Он был крупнее и выше меня, но труслив. Замер и смотрел на меня перебегая глазами с глаз на мою

руку.

– Ты понял? Ещё раз это повторится и я накажу тебя в десять раз сильнее!

Немного подождал, отвесил еще одну оплеуху. Затем чуть сжал его горло, секунд пять, но от страха, его крысиные глазки замерли и округлились. Я решил, что достаточно, и пора закончить последней оплеухой нашу беседу, как почувствовал боль в левом ухе.

Его мама была учительницей, с самого начала она наблюдала из окна учительской эту сцену и прибежала сыночку на помощь.

– Ах, бандит, – зашипела она, – избиваешь Серёжу! Фашист безжалостный!

– Я не фашист! Спросите его, что он мне сделал! – я тогда ещё не знал, что Пузырь её сын.

– Пойдём к директору! Он разберётся с тобой!

И мы втроём пошли к директору. Но не дойдя, зашли в какой-то класс. Она, видимо, немного успокоилась, благоразумие взяло вверх. И вот там, в этом классе, женщина нашла слова, рассказав о жизни Серёжи без отца, о чём-то ещё, так, что мне больше не захотелось обижать его. Как мне не был противен Пузырь, я стал защищать его от нападок одноклассников и других учеников. Потому что до этого даже мальчишки с младших классов подразнивали его и пытались причинить ему неприятности. К окончанию седьмого класса в нашей школе почти все знали, что я заступлюсь за Пузыря,

что смотрю на его мерзости сквозь пальцы. Мне он не стал приятен, также многие поступки вызывали отвращение, но издеваться и бить его я не позволял. Иногда даже приходилось драться, но после все привыкли и просто сторонились Пузыря.

По окончанию седьмого класса сделали фото на память. В те времена фото делали на фотоплётку, проявляли, и затем с негатива делали фото и рассматривали что получилось. Пузырь опять отличился, на фото открыл на всю высоту рот, обнажив крысиный оскал.

* * *

В восьмой класс мы пришли другими людьми. Ушли на летние каникулы, а пришли и не узнали многих из нашего класса. Это были не прежние девочки и мальчики, а юноши и девушки. Но Пузырь так и остался собою.

И вот в один из вечеров, а наш класс учился во вторую смену и шли мы домой когда темнело, в дверях школы, десятиклассники зажали Пузыря. Я тогда ходил в секцию бокса, и готовился к первым своим соревнованиям. Они, их было четверо, держали его за руки, чтобы он не убежал и смеялись. Вероятно, он опять сделал какую-то пакость.

– Отпустите его, – взяв Пузыря за руку и потянув к себе.

Дальше всё произошло быстро и для меня неожиданно. Один из десятиклассников пошёл на меня, переспрашивая, что я сказал. После повторения слов, ударил меня, пытаюсь

сбить с ног. Но занятия боксом не дали мне упасть. Отпрыгав инерцию удара, чтобы не упасть, я моментально, набросился на этого десятиклассника. Драка вышла короткая и моя атака повергла противника в ступор. Друзья кричали, чтобы я пинал его, но, как-то не был я готов тогда добивать. Видя как противник скрючился и закрыв лицо руками не оказывает сопротивления, я остановился. Один из одноклассников придержал меня за руки и подтолкнул в сторону, чтобы я уходил. И в это время, сзади, тот кого я пожалел, въехал мне последний удар и они ушли в школу. Пузыря нигде не было, он улизнул, даже не посмотрев чем кончится драка. В этом был он весь.

Лет через десять я встретил его, он работал в милиции. Сидел дежурным, а я пришёл с сыном писать заявление. Пузырь сделал вид, что не знает меня. Он стал ещё жирнее, а крысиные бегающие глазки ещё меньше.

Мой начальник

Как-то много лет назад, в парке, сел я рядом со стариком. И вдруг заговорили о жизни, о людях. И он мне запомнился на всю жизнь своим рассказом.

«Меня призвали в 41 году, но не на фронт, а в учебку. Нас там было много молодых, озорных ребят, все примерно одного возраста. Курсы были ускоренными. Но представь себе, в городе, когда рядом столько молодых девушек, ты молод и красив, в военной форме. Да ещё и ожидание гибели в боях в

ближайшее время. Трудно устоять от соблазнов, и большинство ребят бегали на свидания с девушками. И я бегал, и был влюблён до безумия. И девушки любили и жалели нас, понимая, что жизнь наша в мгновениях от пропасти, пропасти – уходящей в вечность. И попались с товарищем патрульным, сразу проштрафились, отправили в другую воинскую часть, с неблагонадёжными, в степи под Астраханью. Там быстро сформировали дивизию и тогда уже на передовую. Как сейчас помню первый бой, как падали рядом бойцы. Это чувство ужаса и безумия. Из всех осталась десятая часть. Товарищ, с которым попались в Москве патрульным, погиб в том бою. Никогда его не забыть. Он мне крикнул, я остановился, но командир пнул меня под зад, и что-то прокричал, указывая в сторону вражеских позиций. И я побежал. Последний раз взглянув на товарища, на его помертвевшее лицо и зовущие, молящие глаза без надежды. Он погиб. А я ещё участвовал в нескольких боях, но такого, как первый больше не видел. Через месяц, когда весь состав обновился, в мои плечо и ногу попало несколько осколков. Плечо пустяковая рана, а нога никак не хотела срастаться. Чуть не оттапали. Отправили в тыл и вскоре комиссовали с третьей группой инвалидности. Нога восстановилась. Вот так я и выжил в этой войне. Те, кто в пехоте и не старший командир, трудно было пройти, не то что всю войну, но даже несколько месяцев. Жили все сегодня и сейчас, и таким как я, комиссованным, завидовали, ведь у меня впереди была жизнь. А у них только

сегодня и сейчас.

После войны я упорно занимался здоровьем и теперь по мне и не видно, что у меня была группа инвалидности. А вот у моего шефа, у него нет ноги. Этого уже не исправить. Вместо ноги у него орден Красной звезды. А ногу он потерял, под танком, наехавшим на него. На фронте был фотокорреспондентом от какой-то газеты. Не любит он этого рассказывать, но и не скрывает. Человек далёк от реальной жизни, на весь мир смотрит через стёкла своих очков, впрочем, наверное, как и все мы. У него был шанс пройти всю войну, но вот, как-то залез под свой танк, выжить выжил, но ногу отрезали. А чтобы танкистов не подставлять, написали в бою, храбро вёл себя, подбил что-то там и удержал, и представили к Красной звезде. Говорил, экипаж этих танкистов приходил к нему, приносили передачи, винулись. А виноватыми их не считал. Сам был виновен. Но, чтобы как-то помочь ему, ведь ногу не вернуть, и придумали ему геройское поведение и, вдруг, и наградили. Фронтвики, они всё помнят и знают, и понимают. Судить других и рассуждать о геройстве.., это когда за столом, в мирное время. Как не скрывай, как не рассказывай, не размышляй, правда она правда, она другая. Это узнаёшь и понимаешь на передовой быстро, а после она остаётся с тобой всю жизнь. Впрочем, как и всё в жизни. Представления одни, а в жизни по-другому, но пока не проживёшь – не узнаешь и не почувствуешь.

Ещё электрик-осветитель у нас есть, тот в боях участво-

вал, разведка. А никаких тебе льгот, попал в плен. В сентябре 41 пошли за языком и их накрыли. Говорит в сосёнках с пленённым немцем засели, дали по ним несколько очередей, веточки у сосен срезают рядом пули, точно косой невидимой... А жить так хочется в это время... Командир застрелился, а им дал добро на плен. Всю войну в Бельгии возил немецкого офицера. Наши пришли, из лагеря забирать, был выбор. Можно было остаться без родины, на чужбине, продолжать свою жизнь. Но офицерам убежище это одно, а солдатам другое. К ним в этих пересылочных пунктах и то было иное отношение, не говоря уже про еду. Нам баланда – им как аристократам. Пришедший советский командир, сразу предупредил, кто не замарал себя кровью, ждёт тюрьма, затем, искупившим вину десятилетним сроком, обычная жизнь. Выбирайте сами. Он, электрик наш, выбрал возвращение. Родина, она как мать, как семья. Пусть и не всегда любит тебя, но родная, своя. Отсидел десять лет и теперь работает. Детей нет, семьи нет, наверное, в шахтах потерял своё мужское здоровье. Зубов тоже нет, железные фиксы.»